

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

*Автобиографическая
проза*

ПАЛ Ы МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ц27

Цветаева, М.

Ц27 Автобиографическая проза : [сборник] / Марина Цветаева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 290 с. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-517-10919-4

Марина Цветаева начала вести дневник еще в десятилетнем возрасте и продолжала фиксировать свои мысли и наблюдения на протяжении всей жизни. В настоящий сборник вошли дневниковые записи 1917–1920 гг., рассказывающие о том, как поэтесса переживала не принятую ею Октябрьскую революцию, а также автобиографическая проза 1930-х гг. — периода особенного одиночества, в которой Цветаева часто обращается к своим детским воспоминаниям. «Поэтическая» проза Марины Цветаевой — такая же живая, страстная, метафоричная, как ее стихи, — проза в равной мере автобиографическая и общечеловеческая: она полна размышлений о родительстве и детстве, судьбах Родины и тяготах миграций, нравственности и любви человека к Богу и ближнему.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-10919-4

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА

ОКТЯБРЬ В ВАГОНЕ

(Записи тех дней)

Двое с половиной суток ни куска, ни глотка. (Горло сжато.) Солдаты приносят газеты — на розовой бумаге. Кремль и все памятники взорваны. 56-ой полк. Взорваны здания с юнкерами и офицерами, отказавшимися сдаться. 16 000 убитых. На следующей станции — уже 25 000. Молчу. Курю. Спутники, один за другим, садятся в обратные поезда.

Сон (2-е ноября 1917 г., в ночь).

Спасаемся. Из подвала человек с винтовкой. Пустой рукой целюсь. — Опускает. — Солнечный день. Влезаем на какие-то обломки. С<ережа> говорит о Владивостоке. Едем в экипаже по развалинам. Человек с серной кислотой.

ПИСЬМО В ТЕТРАДКУ

Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидаться — слушайте: вчера, подъезжая к Харькову, прочла «Южный Край». 9000 убитых. Я не могу Вам рассказать этой ночи, потому что она *не кончилась*. Сейчас серое утро. Я в коридоре. Поймите! Я еду и пишу Вам и не знаю сейчас — но тут следуют слова, которых я не могу написать.

Подъезжаем к Орлу. Я боюсь писать Вам, как мне хочется, потому что расплáчусь. Все это страшный сон. Стараюсь спать. Я не знаю, как Вам писать. Когда я

Вам пишу, Вы — есть, раз я Вам пишу! А потом — ах! — 56 запасной полк. Кремль. (Помните те огромные ключи, которыми Вы на ночь запирали ворота?) А главное, главное, главное — Вы, Вы сам. Вы с Вашим инстинктом самоистребления. Разве Вы можете сидеть дома? Если бы всё остались, Вы бы один пошли. Потому что Вы безупречны. Потому что Вы не можете, чтобы убивали других. Потому что Вы лев, отдающий львиную долю: жизнь — всем другим, зайцам и лисам. Потому что Вы беззаветны и самоохраной брезгуете, потому что «я» для Вас не важно, потому что я все это с первого часа знала!

Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами как собака.

Известия неопределенны, не знаю, чему верить. Читаю про Кремль, Тверскую, Арбат, «Метрополь», Вознесенскую площадь, про горы трупов. В с<оциал>-р<еволюционной> газете «Курская Жизнь» от вчерашнего дня (1-го) — что началось разоружение. Другие (сегодняшние) пишут о бое. Я сейчас не даю себе воли писать, но тысячи раз видела, как я вхожу в дом. Можно ли будет проникнуть в город?

Скоро Орел. Сейчас около 2 часов дня. В Москве будем в 2 часа ночи. А если я войду в дом — и никого нет, ни души? Где мне искать Вас? Может быть, и дома уже нет? У меня все время чувство: это страшный сон. Я все жду, что вот-вот что-то случится, и не было ни газет, ничего. *Что это мне снится, что я проснусь.*

Горло сжато, точно пальцами. Все время оттягиваю, растягиваю ворот. Сереженька.

Я написала Ваше имя и не могу писать дальше.

Трое суток — ни с кем ни звука. Только с солдатами, купить газет. (Страшные розовые листки, злоешие. Театральные афиши смерти. Нет, Москва

окрасила! Говорят, нет бумаги. Была, да вся вышла. Кому — так, кому — знак).

Кто-то, наконец: «Да что с вами, барышня? Вы за всю дорогу куска хлеба не съели, с самой Лозовой с вами еду. Все смотрю и думаю: когда же наша барышня кушать начнут? Думаю, за хлебом, нет — опять в книжку писать. Вы что ж, к экзамену какому?»

Я, смутно: «Да».

Говорящий — мастеровой, черный, глаза, как угли, чернобородый, что-то от ласкового Пугачева. Жутковат и приятен. Беседуем. Жалуются на сыновей: «Новой жизнью заболели, коростой этой. Вы, барышня, человек молодой, пожалуй и осудите, а по мне — вот всё эти отресья красные да свободы похабные — не что иное будет, как сомущение Антихристово. Князь он и власть великую имеет, только ждал до поры до часу, силу копил. Приедешь в деревню, — жизнь-то серая, баба-то сивая. „Черт, шут“... Гляди, кочерыжками закидаем. А какой он тебе шут, когда он князь рожденный, свет сотворенный. На него не с кочерыжками надо, а с легионами ангельскими»...

Подсаживается толстый военный: круглое лицо, усы, лет пятьдесят, пошловат, фатоват. — «У меня сын в 56-ом полку! Ужасно беспокоюсь. Вдруг, думаю, нелегкая понесла». (Почему-то сразу успокаиваюсь)... «Впрочем, он у меня не дурак: охота самому в пекло лезть!» (Успокоение мгновенно проходит)... «Он по специальности инженер, а мосты, знаете ли, все равно для кого строить: царю ли, республике ли, — лишь бы выдержали!»

Я, не выдерживая: «А у меня муж в 56-ом». — «Му-уж? Вы замужем? Скажите! Никогда бы не подумал! Я думал барышня, гимназию кончаете. Стало быть, в 56-ом? Вы, верно, тоже очень беспокоитесь?» — «Не знаю, как доеду». — «Доедете! И свидитесь! Да помилуйте, имея такую жену — идти под

пули! Ваш супруг себе не враг! Он, верно, тоже очень молод?» — «Двадцать три». — «Ну, видите! А вы еще волнуетесь! Да будь мне двадцать три года и имей я такую жену... Да я и в свои пятьдесят три года и имея вовсе не такую жену»... (Я, мысленно: «в том-то и дело!» Но почему-то, все-таки, явно сознавая бессмысленность, успокаиваюсь).

Сговариваемся с мастеровым ехать с вокзала вместе. И хотя нам вовсе не по дороге: ему на Таганку, мне на Поварскую, продолжаю на этом строить: отсрочку следующего получаса. (Через полчаса Москва.) Мастеровой — оплот, и почему-то мне чудится, что он *все знает*, больше — что он сам из князевой рати (недаром Пугачев!) и именно *оттого, что враг* меня (С<ережу>) спасет. — Уже спас. — И что нарочно сел в этот вагон — оградить и обнадежить — и Лозовая ни при чем, мог бы просто в окне появиться, на полном ходу, среди степи. И что сейчас в Москве на вокзале рассыпется в прах.

Десять минут до Москвы. Уже чуть-чуть светлеет, — или просто небо? Глаза к темноте привыкли? Боюсь дороги, часа на извозчике, надвигающегося дома (смерти, ибо — если убит, умру). Боюсь услышать.

Москва. Черно. В город можно с пропуском. У меня есть, совсем другой, но все равно. (На обратный проезд в Феодосию: жена прапорщика). Беру извозчика. Мастеровой, конечно, канул. Еду. Извозчик рассказывает, я отсутствую, мостовая подбрасывает. Три раза подходят люди с фонарями. — Пропуск! — Протягиваю. Отдают не глядя. Первый звон. Около половины